

Лицо Тони стало еще мрачнее.

— Где ты теперь найдешь дублера? К тому же, у них двоих после шестидневной притирки всё еще возникают проблемы, а ты надеешься найти человека, который с ходу сработается с ним?

Чжоу Ман стоял на месте, не в силах вымолвить ни слова.

Глаза Сяо Люя забегали. Ему хотелось что-то сказать, но он не решался, поэтому принялся переглядываться с Юань Даханем. Как назло, это заметил Тони.

— О чем вы там шепчетесь? Говорите громче!

Сяо Люй вздрогнул и пробормотал: — Я хотел сказать... когда Ин Цзюнь и Чжоу-гэ тренировались, всё выглядело вполне убедительно... К тому же, у брата Чжоу комплекция почти такая же, как у Цзюй Цзыцина. Если не снимать лицо, после обработки на постпродакшене проблем быть не должно.

Чжоу Ман метнул в него взгляд, и Сяо Люй понурил голову, словно совершил что-то предосудительное.

Тони посмотрел на Чжоу Мана: — Ты же уверял меня, что с ним проблем не будет?

— С ним проблем нет...

— С тобой проблем нет, а с другими — есть, — оборвал его Тони.

Чжоу Ман молчал, умоляюще глядя на Тони.

Тони, однако, заявил: — Мне все равно. Съёмки должны быть завершены сегодня. Либо иди и уговаривай Цзюй Цзыцина вернуться, но при этом гарантируй, что они не подерутся, либо сам найди того, с кем он сможет поладить. Уже почти три часа дня, решай сам.

Все смотрели на Чжоу Мана, ожидая его решения. Было ясно, что на Цзюй Цзыцина рассчитывать не стоит — он был ужасно зол. Но даже если найти дублера, кто даст гарантию, что всё пройдет гладко? Что сделает Чжоу Ман? Неужели он сам выйдет в кадр?

Почти все сотрудники площадки были давними коллегами, которые знали Чжоу Мана еще со времен работы в Дабаоцзянь. Все знали: несмотря на то, что Чжоу был агентом актеров фильмов для взрослых, он сам никогда не снимался. Случались подобные ситуации и раньше, но он всегда безупречно их решал. Но как насчет этого раза? Время поджигает, к тому же Ин Цзюнь выглядит совсем не так послушно, как прежние актеры...

Чжоу Ман приоткрыл рот и произнес несколько слов.

Остальные даже не расслышали, что именно, но Тони улыбнулся и громко скомандовал: — Очистить площадку. Оставить только осветителя и двух операторов, остальные — вон.

Послышался ропот. Похоже, Чжоу Ман действительно решил сниматься сам. Осталось всего три человека, но теперь всем вдруг захотелось остаться. Увидеть такое зрелище — редкий шанс, кто бы отказался?

Сяо Люй и Юань Дахань переглянулись и вызвались добровольцами: — Тони-гэ, мы... мы живем в одном общежитии с Чжоу-гэ, при других он будет нервничать, а при нас — нет! Мы уже много раз видели, как они в общежитии милуются!

Тони кивнул: — Отлично, операторами будете вы. Остался свет, выберите кого-нибудь поскромнее. Нам же нужно защитить имидж маленького Чжоу, верно? Вот, ты, парнишка в очках, да, ты подходишь. Все, все вон. Я тоже ухожу. Даю вам два часа, через два часа хочу видеть видео!

— Будьте спокойны, Тони-гэ! — восторженно отозвался Сяо Люй.

Когда все вышли, на площадке воцарилась тишина. Трое сотрудников переглянулись. Чжоу Ман стоял не двигаясь, Ин Цзюнь поднял голову, взглянул на него и снова опустил глаза.

— В общем, Чжоу Ман, иди сначала помойся, — подал голос Юань Дахань.

Сяо Люй добавил: — Именно, времени в обрез, Чжоу-гэ, всего два часа. Не хватало еще, чтобы мы все отхватили за сорванные съемки.

Осветитель в очках тоже закивал: — То и дело, я не хочу получить нагоняй, Тони такой злой.

Чжоу Ман медленно поплелся в ванную. Сам не зная, с какими чувствами, он принялся за водные процедуры. Он не только тщательно вымыл каждую часть тела, но и в конце тайком сделал очистительную клизму.

Когда он стоял на коленях на гладком полу душевой, раз за разом избавляясь от мутной воды, пока наконец она не стала кристально чистой, мозг его словно онемел.

Глядя в зеркало на свое отражение, покрасневшее от горячей воды, Чжоу Ман коснулся щек. Ему всего двадцать семь, хорошо, что за эти годы он не изнурял себя, кожа всё еще гладкая и упругая, и тело... должно быть, все еще в порядке.

Когда Чжоу Ман вышел из ванной, все в комнате на мгновение замерли. Белоснежная кожа,

отливающая румянцем, мокрые волосы, узкие глаза, скрытые прядями челки — в них отражался свет, но сквозила и нежность.

15. Дублер

Словно распустившийся лотос, прекрасный и вызывающий жалость.

Сяо Люй сглотнул слюну, Юань Дахань хлопнул его, призывая начать съемку. Двух камер было маловато, поэтому мастерство операторов подверглось серьезному испытанию. К счастью, Сяо Люй и Юань Дахань уже занимались подобным, так что было не слишком трудно. Юань Дахань направил объектив на лицо Ин Цзюня, а Сяо Люй сосредоточился на теле Чжоу Мана, стараясь выбрать ракурсы так, чтобы он был больше похож на Цзюй Цыцина.

— Чжоу-гэ, можно начинать, — тихо сказал Сяо Люй, настраивая фокус.

Чжоу Ман медленно подошел к Ин Цзюню и обнял его голову. Ин Цзюнь естественным образом обхватил тело Чжоу Мана, уткнулся носом в его живот, оставляя поцелуи, и нежно прошелся языком по коже.

На самом деле в таких откровенных сценах не нужно особого мастерства, всё строится на инстинктах — делай то, от чего приятнее.

От языка Ин Цзюня у Чжоу Мана подогнулись ноги. Стоило Ин Цзюню потянуть его на себя, как Чжоу повалился на него. Заключенный в объятия, он почувствовал, как губы Ин Цзюня поднимаются выше, продолжая дразнить соски на груди.

Чжоу Ман крепко вцепился в плечи Ин Цзюня, пытаясь отстраниться, затем сполз на ковер, чтобы развязать полотенце на бедрах парня.

Изначально он собирался заняться его возбуждением, но стоило заглянуть под ткань, как он увидел, что всё уже готово. Чжоу Ман поднял глаза и укоризненно взглянул на него. Он был сердит, но не подозревал, как соблазнительно выглядит: покрасневшие уголки глаз, выражающие то ли досаду, то ли гнев, приподнятые брови и искорки безнадёжности в темных глазах — это выглядело невероятно порочно.

Ин Цзюнь слегка улыбнулся. По сценарию это должна была быть коварная ухмылка, но искренность радости на его лице, как у ребенка, получившего конфету, заставила его лишь мягко прижать голову Чжоу Мана к себе.

Всё равно камера их не видит, была не была, к черту всё, лучше сосредоточиться на удовольствии. Чжоу Ман закусил губу, зажмурился и склонил голову.

В кадре — Ин Цзюнь с выгнутой грудью, четко очерченными мышцами живота. Кадр плавно

скользит вниз, к пикантным подробностям. Основной фокус на безупречном профиле Ин Цзюня: то он откидывает голову назад, обнажая изящную шею, и его длинные ресницы дрожат, лицо выражает полное погружение в экстаз, то опускает взгляд, его длинные пальцы ласково гладят мягкие черные волосы Чжоу Мана, а губы искривлены в нежной, любящей улыбке.

Настоящее искусство. Своего рода магия. Словно бог ласкает возлюбленного, наслаждаясь моментом. Он склонился у его ног, он касается его головы, даруя божественный нектар.

Откуда-то доносилась приглушенная чувственная музыка, заставляя разум мутиться. После нескольких минут ласк внизу, подбородок Чжоу Мана приподняли, и Ин Цзюнь накрыл его губы поцелуем. Чжоу ответил, открыв рот — в этот момент он уже не мог сопротивляться.

Их дыхание становилось всё более прерывистым и жарким, язык Ин Цзюня был сильным и властным. От таких поцелуев Чжоу Ману казалось, что он целует саму его душу.

Когда тело погрузилось в мягкий диван, лицо Чжоу Мана горело алым. Внутри, в прохладной смазке, он чувствовал длинные пальцы Ин Цзюня. Так как лицо снимать было нельзя, вход шел сзади. Чжоу Ман стоял на коленях на диване, прогнув спину, приподняв бедра и максимально раздвинув ноги. Он спрятал лицо в руках, отвернувшись, то возвращаясь к реальности, то погружаясь в хаос. Звуки шлепков эхом разносились по комнате. Чжоу Ман сдерживался, чтобы не издать ни звука, отчаянно напоминая себе, что это лишь съемка, что он просто дублер. Он не должен показывать лицо, не должен кричать, кроме ягодиц он не мог предложить этой сцене ничего другого.

Волна унижения захлестнула Чжоу Мана, слезы потекли из глаз. Он постепенно начал осознавать: это не любовь, это просто игра. Каждый раз, когда Ин Цзюнь проникал глубже, тело Чжоу Мана пронизывала дрожь. На объектив попадала нежная кожа, покрываемая мурашками, временами он срывался на стон.

Это идеально подходило под сценарий. Это процесс покорения, граничащего с унижением. Хотя это и была чистая эротика, по характеру отношений герои двигались по пути болезненной любви. В постоянной погоне они неизбежно причиняли друг другу боль.

— Тебе больно? — прошептал Ин Цзюнь ему на ухо.

Чжоу Ман покачал головой и прохрипел: — Продолжай.

Он чувствовал, как пот Ин Цзюня капает ему на спину, на бедра, обжигая кожу. Ладонь Ин Цзюня настойчиво терлась о левую ягодицу, Чжоу знал, что там есть семь родинок.

Говорят, родинки на ягодицах — признак власти, но родинки у Чжоу Мана были странными: семь точек, выстроенных в форме Большой Медведицы, тянувшихся почти к самому анусу.

Однажды Чжоу Ман тайком ходил к гадалке, и та сказала, что это не обычные родинки на теле — они связаны с его судьбой. У кого родинки там, тех ждет роковая страсть и бедствия из-за любви. Что такое роковые бедствия, Чжоу Ман не знал, но что его путь в любви тернист — это точно.

— Можно мне... в тебя? — снова спросил Ин Цзюнь, почти умоляя.

Чжоу Ман промолчал, лишь сильнее впиваясь зубами в собственную руку. Ощущение горячей волны внутри заставило все его тело неконтролируемо задрожать.

Когда Ин Цзюнь отстранился, его семя стало вытекать из тела Чжоу Мана. Камера точно запечатлела этот момент.

— Окей! Просто идеально! — Сяо Люй довольно усмехнулся: — Не зря ты наш Чжоу-гэ, даже в первый раз так профессионально. Можно заканчивать. Лицо Ин Цзюня сняли? — он заглянул в камеру Юань Даханя.

— Сняли. Лицо Чжоу Мана не попало?

— Ты сомневаешься в моем профессионализме?

Ин Цзюнь поднял с пола полотенце и укутал Чжоу Мана. Поскольку у того подкашивались ноги, Ин Цзюнь придержал его и повел в ванную привести себя в порядок, оставив троих коллег наводить порядок.

В ванной Чжоу Ман одной рукой держался за дверь, а другой пытался выпроводить Ин Цзюня.

— Чжоу Ман, — окликнул его Ин Цзюнь, и в его голосе послышался гнев.

Чжоу Ман замер, с покрасневшими глазами уставившись на него.

— Чего тебе еще надо?

Ин Цзюнь нахмурился: — Чжоу Ман, ты не можешь так со мной обращаться. Это была не моя ошибка.

Чжоу отвернулся: — Не твоя, так моя, пусть будет так. Выйди.

Ин Цзюнь некоторое время смотрел на него, словно собираясь что-то добавить, но послушно развернулся и ушел. Чжоу Ман закрыл дверь, осел на пол, обхватил голову руками и беззвучно заплакал.

Он не понимал, что с ним происходит. Съемка в роли дублера — это не бог весть что, он в этой индустрии не первый день. Но обстоятельства... и то, что это был именно Ин Цзюнь... Была ли это печаль, стыд или смутное ощущение счастья? Возможно, всё сразу. Чжоу Ман всегда легко поддавался эмоциям с людьми, к которым привязывался. Раньше, кроме родителей, был только Му Цзэ, но теперь он понял, что Ин Цзюнь с легкостью занял это место.

Только теперь Чжоу Ман осознал, что все эти дни каждое движение Ин Цзюня отражалось на его нервах. Он сходил с ума от беспокойства, когда тот болел, расстраивался из-за его плохого настроения, чувствовал облегчение, когда видел его улыбку... А только что — он даже испытал дрожь от того, что Ин Цзюнь получил удовольствие.

Это зашло слишком далеко, за границы, которые Чжоу Ман сам себе установил.

Когда он привел себя в порядок и оделся, остальные уже ушли, а гостиная была чиста.

Волосы Ин Цзюня снова были собраны, открывая безупречное лицо. Он был одет в серебристую рубашку с вышитыми драконами и черные брюки, сидя на диване и дожидаясь его. Вид у него был серьезный, словно его что-то тяготило.

Этот человек был поистине очарователен, особенно когда выглядел таким серьезным. Наверное, мало кто в этом мире мог бы устоять перед желанием полюбить его.

Чжоу Ман подумал об этом, но тут же отвел взгляд.

Заметив выход Чжоу, тот встал и совершенно серьезно спросил: — Чжоу Ман, ты в порядке? Я слышал, как ты плакал.

— Как ты мог услышать? — Чжоу Ман уставился на него. Он так сильно кусал руку, что почти до крови, и не издал ни звука.

— Я... — Ин Цзюнь посмотрел в сторону, засунув руки в карманы брюк. — Я догадался. Ты выглядишь неважно.

Чжоу Ман бросил на него взгляд и, ничего не ответив, направился к выходу. Ин Цзюнь пошел следом, бормоча под нос: — Ну, в первый раз техника всегда хромает, в следующий раз я буду внимательнее и не сделаю тебе больно...

Чжоу Ман остановился и обернулся, строго посмотрев на него: — Ин Цзюнь, следующего раза не будет. Это всего лишь работа, к тому же я твой кузен.

— У меня плохая техника? — Ин Цзюнь моргнул.

— Дело не в этом, — ответил Чжоу Ман.

— Ты любишь кого-то другого? — спросил Ин Цзюнь.

Чжоу Ман усмехнулся: — У тебя странный ход мыслей.

Ин Цзюнь нахмурился: — Я не слабоумный.

Чжоу Ман смотрел на него, и в его темных глазах отразилась весенняя мягкость: — Ты думаешь, каждый обязан тебя любить?

Ин Цзюнь приподнял бровь: — По крайней мере, ты меня любишь.

Он сказал это так прямо, что сердце Чжоу Мана дрогнуло.

С точки зрения Чжоу, Ин Цзюнь, пусть и наивный, как ребенок, иногда словно видел людей насквозь и произносил вещи, от которых бросало в дрожь. Именно поэтому Чжоу не мог применять к нему ту же тактику, что и с другими, и не мог всерьез злиться или ругаться. Смени его на Му Цзэ, они бы уже давно рассорились в пух и прах.

— Разве не так? — Ин Цзюнь наклонился ближе к губам Чжоу Мана, его голос был глухим, дыхание опаляло ухо: — Ты же сам жаждал моих объятий, зачем снова и снова отталкиваешь меня? Разве ты только что не прочувствовал всё до конца? Я был внутри тебя...

Чжоу Ман зажал ему рот рукой: — Бесстыдник.

Ин Цзюнь улыбнулся кончиками губ, в этом было что-то по-настоящему соблазнительное. Он взял руку Чжоу, поцеловал ее и крепко сжал: — В любом случае, ты мой.

— А как же та жена, на которой ты собрался жениться?

— Ты всё время об этом вспоминаешь. Разве моя жена не ты?

Он произнес это без всякого смущения. Чжоу Мана охватила смесь ярости и стыда, он ущипнул Ин Цзюня за щеку и, развернувшись, убежал. Отбежав на приличное расстояние, он не удержался и обернулся, заметив, как Ин Цзюнь с триумфальным выражением лица показывает в небо победный жест.

И правда, слабоумный, — с раздражением подумал Чжоу Ман, не подозревая, что сам весь раскраснелся, а из-за того, что ноги всё еще дрожали, он передвигался весьма странной походкой.

16. Официант

После завершения съемок Тони остался очень доволен. Воспользовавшись моментом, Чжоу Ман поднял вопрос о предоставлении Ин Цзюню отдельного жилья.

— У других актеров есть собственные квартиры, он не может больше ютиться с нами.

На самом деле, у Чжоу была еще одна причина: после участия в качестве дублера он больше не мог жить с Ин Цзюнем под одной крышей, как прежде.

Тони охотно согласился: — Жилье — это не проблема. В понедельник отведи его в административный корпус, пусть подпишет контракт. Всем штатным актерам компании полагается отдельная квартира.

Чжоу Ман на словах согласился, но в душе колебался. Система контрактов в Дабаоцзянь подразумевала три года без возможности уйти к конкурентам под угрозой огромных неустоек. Чжоу был категорически против того, чтобы Ин Цзюнь три года снимался в порно, к тому же его целью был перевод Ин Цзюня в AL.

Поэтому Чжоу не повел Ин Цзюня подписывать контракт. К счастью, после съемок Тони улетел в Малайзию на другой проект, так что пока не обращал на это внимания.

Чжоу Ман начал активно готовиться к переходу в AL, связываясь со старыми знакомыми. Он несколько раз созванивался с Му Цзэ, но тот был слишком занят, и Чжоу так и не нашел подходящего случая завести этот разговор, решив отложить всё до личной встречи пятнадцатого числа.

В эти дни Чжоу Ман пропадал целыми днями вне дома, часто возвращаясь поздно и засыпая прямо на диване в гостиной. Сяо Люй и остальные ничего не спрашивали, каждый был занят своим, стараясь не вмешиваться в дела других.

Иногда ночью, сквозь сон, Чжоу Ман чувствовал, как его бережно обнимают, а утром просыпался уже в своей кровати. Ин Цзюня при этом в комнате не было. А вскоре тот и вовсе перестал приходить по ночам.

Сначала Чжоу Ман не придавал этому значения, но позже услышал от Цзюй Цзыцина, что тот видел Ин Цзюня в баре Тини. Оказалось, вся улица знала, что там работает золотоволосый красавчик-метис, а девушки и парни толпами теряли голову, глядя на него.

Этот красавчик якобы рассказывал, что жена выгнала его из дома, денег у него нет, поэтому по вечерам он подрабатывает в баре. Все проявляли участие и жалели его: такого красавца-мужа — и выгнала жена, как рука поднялась?

Цзюй Цзыцин рассказывал все с таким воодушевлением, подмигивая: — Чжоу-гэ, у Ин Цзюня правда есть жена? Кто она?

Чжоу Ман, злясь не на шутку, не ответил, а просто рванул в бар ловить беглеца.

В душном и шумном баре Ин Цзюнь в черно-белой униформе официанта стоял за барной стойкой. Его высветленные волосы были убраны назад лентой, а изумрудные глаза светились притягательной улыбкой, когда он шутил с клиентками. В белых перчатках он ловко и грациозно смешивал коктейли для нескольких дам.

Те выпили уже по три бокала и не собирались уходить, продолжая заигрывать. Чжоу Ман подождал в стороне, и как только дамы наконец отошли, к барной стойке тут же подлетел мужчина. Глядя на то, какой Ин Цзюнь популярный, Чжоу Ман не понимал, сердиться ему или радоваться.

На этот раз, дождавшись момента, когда клиенты отошли, Чжоу Ман бросился к стойке. От стремительности движений он чуть не уткнулся в бар, что напугало стоявших рядом девушек.

— Прощу прощения, — Ин Цзюнь мягко улыбнулся и поставил три бокала с фирменным напитком: — Моя жена очень долго меня ждала, примите это в качестве извинения.

Девушки радостно взвизгнули, а Чжоу Ман закатил глаза, дождался, пока они уйдут, и сердито процедил человеку напротив: — Пару дней тебя не видел, а языкастости-то набрался.

<http://bllate.org/book/19103/1876214>